

Гу Сяодун прилежно тренировался все утро напролет. Он то занимался, то делал передышки, то и дело утирая катившийся градом пот. Сяодун даже не заметил, когда ушли Гуань Юньцзи и остальные; в редкие минуты отдыха он лениво предавался размышлениям о всяких пустяках.

В последние годы Сяодуну частенько снились странные, причудливые сны. В них он то превращался в беззащитных зверушек вроде кролика или щенка, то обращался неодушевленными вещами — например, палочкой танхулу или тарелкой недорезанного хрустящего мяса. Но кем бы или чем бы он ни становился, финал всегда оказывался одним: его съедали.

Ладно бы еще оказаться неодушевленным предметом — вещи не чувствуют боли. Но когда ему снилось, что он животное, Сяодун во всех жутких подробностях ощущал, как его, живую плоть, рвут на части и пожирают. Вот как прошлым вечером, когда ему пригрезился огромный белый волк. Сяодун до сих пор помнил, как острые клыки с хрустом перемалывали его нежную кроличью плоть, а теплая кровь послушно стекала в волчью глотку.

От таких снов мороз шел по коже. Впрочем, Гу Сяодун всегда предпочитал тянуться к свету. Ночные кошмары оставались лишь кошмарами, а явь — настоящей жизнью, так что, едва проснувшись, он тут же выбрасывал из головы всю эту мрачную чепуху.

К полудню, вволю натренировавшись, Сяодун с удовольствием потянулся. Он тщательно размял и промассировал биологически активные точки на теле — сам себе лекарь! — и почувствовал, как застоявшаяся хворь почти полностью покинула его.

Отряхнув полы халата, он в приподнятом настроении направился во Двор учеников. Но стоило ему завернуть в крытую галерею, как до слуха донесся тихий, прерывистый плач. Нахмурившись, Сяодун бесшумно двинулся на звук. Обычно он ходил бодро, звонко топая, но красться тихо, точно мышь, его в свое время научил Гу Цзиньюй — показал, так сказать, на собственном примере.

Звук доносился из невысокого палисадника за галереей, где среди густых кустов и цветов виднелся смутный силуэт. Сяодун засучил рукава и легко спрыгнул с помоста галереи в сад. Весенний дождь едва накапывал. Подобрал с земли пару увесистых камней, юноша двинулся вперед, высматривая скрывавшегося в зарослях:

— Кто там прячется?

В кустах что-то зашуршало. Сяодун взвесил камни на ладони, взобрался на бордюр и, приподнявшись на цыпочках, заглянул вглубь сада. Неподалеку копошились трое: двое парней постарше прижимали к земле третьего, помладше. В этот момент вожак вскинул голову, и Сяодун мгновенно узнал его лицо.

Этот юноша тоже сидел на первой парте, только с самого края справа. Звали его Юэ Сюньчжи, он был сыном высокопоставленного военного и поступил в школу два года назад. Сюньчжи, ровесник Сяодуна, отличался крепким телосложением и приходился родственником

Наследной принцессе по материнской линии. Клан Юэ стремительно возвысился за последнее десятилетие; пусть их положение в столице пока оставалось шатким, но по мере того как Наследная принцесса прибирала к рукам власть, дела всего семейства шли в гору.

Поначалу Сяодун относился к нему неплохо — лишь потому, что Юэ Сюньчжи близко общался с Гэ Дунчэнем. Переноса свою симпатию к Дунчэню на его окружение, Сяодун наивно полагал, что этот парень из клана Юэ такой же открытый, прямодушный и простой воин, чуждый всякого чванства. Даже когда Гу Цзиньюй с самого начала предупреждал его, что этот тип — гнилой человек, Сяодун отмахивался, считая, что тот не способен на подлость.

Однако едва миновал месяц с начала учебы Сюньчжи в школе, как во время праздничного увольнения этот мерзавец совершил на Сяодуна преднамеренное нападение.

Юэ Сюньчжи оказался на редкость силен, но Сяодун отчаянно сопротивлялся и отбивался изо всех сил. В пылу потасовки он неудачно упал и сильно рассек левое предплечье об острый край камня. Кровь мгновенно пропитала белоснежный рукав его ученического платья.

Рана тогда оказалась не слишком широкой, но довольно глубокой, и заживала долго. Юэ Сюньчжи тоже понес наказание: кто-то переломал ему руку, однако он преспокойно продолжил ходить на занятия с лубком и повязкой.

Впоследствии до Сяодуна дошли некоторые грязные слухи о тайных делишках Сюньчжи, которые заставили его содрогнуться и впредь обходить этого человека за версту. Именно из-за этой твари юноша окончательно осознал, какие омерзительные помыслы двигали теми, кто издевался над ним в прошлом.

И вот теперь, снова увидев Юэ Сюньчжи, Сяодун нутром почуял неладное. «Этот ублюдок опять взялся за старое», — подумал он и, не колеблясь, шагнул прямо на клумбу:

— Эй! Я слышал плач! Кто здесь плачет?

Юэ Сюньчжи остолбенел, уставившись на него в упор. Пока мучитель соображал, что происходит, из-под навалившихся на него парней раздался захлебывающийся, надрывный детский плач:

— Это я! Су Сяюань!

Сердце Сяодуна пропустило удар. Не раздумывая ни секунды, он рванулся вперед и с размаху пнул Юэ Сюньчжи в бок.

Тот не ожидал нападения и кубарем покатился в грязь. Его приятель, который, по всей видимости, и сам был не рад участвовать в этой мерзкой забаве, тут же отпрянул и отпустил жертву. Испугавшись, что Сяодун пожалуется Су Минье, он поспешно поднял руки, всем видом

показывая, что его «заставили».

Су Сяююань, точно дикий котенок, выскочил из примятой травы и молнией метнулся за спину Сяодуна. Захлебываясь слезами, мальчик громко закричал:

— Он... он пытался раздеть меня! И прижимался... прижимался к моим бедрам!

Юэ Сюньчжи, отряхивая плечи, попытался подняться. Сяодуна так затрясло от злости, что зубы закрипели. Не давая мерзавцу опомниться, он прыгнул вперед и со всей силы заехал подошвой сапога прямо по его смазливому лицу, размазывая грязь и прелые листья.

— Тварь паршивая! — выплюнул Сяодун.

Юэ Сюньчжи едва не улетел обратно в кусты. Сплюнув набившийся в рот торф, он грязно усмехнулся. Вид у него был на удивление довольный.

— О, Гу Шаньцин! Сколько лет, сколько зим. И это так ты теперь здороваешься с однокашниками? — прохрипел он, размазывая грязь по щеке. — А ты стал еще горячее. Мне нравится.

От этого извращенного смеха у Сяодуна мурашки побежали по спине. Он схватил Су Сяююаня за руку, собираясь бежать, но Юэ Сюньчжи, позабыв о всяком благородном происхождении, по-пластунски рванулся по мокрой земле вперед и мертвой хваткой вцепился в его щиколотку.

— Послушай меня, Гу Шаньцин, — прорычал он. — Тебе лучше молиться всем богам, чтобы твой покровитель оберегал тебя вечно...

Сяодуну было плевать на этот бред. С криком «на, получи!» он со всей дури наступил свободной ногой прямо на наглую рожу ублюдка, заставив того выпустить лодыжку, и дернул Су Сяююаня за собой:

— Бежим! Быстрее! Он законченный псих!

Вслед им, точно проклятие, несясь безумный хохот Юэ Сюньчжи:

— Молитесь, сучки! Надейтесь, что вас всегда будут прикрывать! Рано или поздно я доберусь до вас — и уж поверьте, живым из моих рук не уйдет ни один!

Волосы на затылке Сяодуна встали дыбом. Не оборачиваясь, он несясь во весь опор. К счастью, Су Сяююань, перепуганный до смерти, бежал не хуже испуганного зайца — ноги у него не подкосились, и он с истошными воплями поспевал за своим спасителем.

Они остановились, лишь когда ворвались в комнату Сяодуна. Мальчик долго не мог отдышаться, утирая слезы рукавом и без конца кланяясь:

— Братец Гу, спасибо вам! Огромное спасибо! Если бы вы не вмешались, я... я даже представить боюсь, что бы он со мной сделал!

Глядя на его взъерошенный, испуганный вид, Сяодун словно смотрел в зеркало своего собственного прошлого. Он мягко вздохнул и погладил мальчика по голове:

— Этот тип — конченный мерзавец. За его спиной стоит влиятельный клан, так что спорить с ним нам не по зубам. Постарайся просто не попадаться ему на глаза. Увидишь его — сразу беги, сверкая пятками.

Су Сяююань закивал часто-часто, точно напуганный перепел. Фэнъэнь принес чистое полотенце и бережно стряхнул с одежды мальчика налипшие листья и грязь, за что тот принялся рассыпаться в благодарностях и перед ним.

Сяодун, склонив голову набок, с любопытством разглядывал гостя:

— Слушай, ты и правда из клана Су? Что-то ты совсем на них не похож.

Су Сяююань густо покраснел. Прижимая к груди чашку с чаем, он жалобно посмотрел на хозяина комнаты и, запинаясь, выложил все как на духу. Если в двух словах, он был сиротой и очень дальним родственником, жившим в одном из загородных поместий клана Су. Четыре года назад глава главной ветви, заметив его выдающийся ум, забрал мальчика в главный дом на воспитание. А в этом году его отправили в Академию Широкого Благодеяния на годовой курс, после которого планировали приставить к какому-нибудь важному делу в клане.

— Погоди, — прищурился Сяодун, — неужели ты сидишь на задней парте?

Мальчик робко кивнул, не сводя с него восхищенных глаз:

— Да... Прямо слева от вас, братец Гу.

Сяодун задумчиво потер подбородок:

— Да уж, твоя история один в один как моя. Меня поначалу тоже шпыняли все кому не лень, пока я не набрался смелости и не попросил помощи у твоего дяди. Кстати, ты уже ходил к нему поклониться? Он вчера вернулся в Бамбуковую обитель и пробудет здесь три дня.

— Нет, — поежился Сяююань. — В главном поместье я видел его лишь однажды, мельком и издали. Он такой... холодный, величественный. Мне показалось, к нему и подступиться-то

страшно.

— Да ну? — удивился Сяодун.

Про себя он подумал, что его драгоценный «больной красавец» среди всей заносчивой столичной знати — самый нежный и деликатный человек на свете.

Сяююань убежденно закивал и с тревогой спросил:

— А в академии... много еще таких негодяев, как этот Юэ?

— Хватает, — честно признался Сяодун и снова легонько щелкнул его по лбу. — Слушай внимательно.

Он мысленно перебрал всех учеников в школе и подробно расписал новому знакомому, кто есть кто, кого нужно опасаться и как себя вести, чтобы не нажить неприятностей. Сяодун искренне желал, чтобы мальчик стал хоть немного осмотрительнее.

В конце концов, не стоило повторять его собственных ошибок — ведь сам Сяодун до сих пор не имел ни малейшего понятия, что за два извращенца посягнули на него тогда, в Башне Свечных Грёз.

Сяююань ловил каждое его слово, крепко сжав маленькие кулачки. В его глазах растерянность мешалась с упрямством не знавшего жизни юнца.

Сяодун почесал затылок и тепло улыбнулся:

— Да ты не бойся. Раз уж мы сидим бок о бок, я за тобой пригляжу. Давай дружить! Если кто-то вздумает тебя обидеть, я найду способ за тебя заступиться.

У Сяююаня покраснели и глаза, и щеки. Он долго умиленно смотрел на Сяодуна, а затем снова залепетал, запинаясь:

— Вы... вы такой невероятно красивый и добрый! Простите меня, братец Гу... Раньше я наслушался глупых сплетен и думал о вас плохо. Какая же я свинья неблагодарная! Мне сквозь землю провалиться надо!

Сяодун покатился со смеху. Ему и без лишних слов было ясно, откуда росли ноги у этих слухов, но ворошить чужие бредни не хотелось. Он лишь великодушно махнул рукой и настоял, чтобы Сяююань остался у него на обед.

К тому же Сяодун всегда был не прочь завести новых друзей, а забота о младшем товарище приятно согревала душу.

«Сегодня я спас этого бедолагу, — думал он, — словно протянул руку самому себе из прошлого. А себя нужно беречь».

Сяююань поначалу робел, но перед неумной болтливостью Сяодуна устоять было невозможно. К концу обеда от его смущения не осталось и следа. Он пододвинул свой табурет поближе и теперь сидел рядом, заглядывая Сяодуну в рот и не сводя с него глаз.

Да так засмотрелся, что у него буквально потекла слюна.

Сяодун не на шутку перепугался, решив, что мальчик занемог, и со всей серьезностью прощупал его пульс. Диагноз оказался однозначным — тяжелая форма эстетического восторга.

Сяодун в недоумении потрогал свои щеки:

— Тебе и правда нравится такое лицо? Вообще-то в академии полно парней куда красивее меня.

— Ну... вы красивы совершенно неоспоримо! — уши Сяююаня вспыхнули пунцовым цветом. Он поспешно утер подбородок и перевел тему: — Братец Гу, а вы... вы разбираетесь во врачевании?

— Еще как! — Сяодун довольно прищурился. — И да, зови меня просто братцем Шаньцином или братцем Сяодуном.

На душе у него потеплело. Он подумал, что совсем скоро сможет исцелить одного из самых важных людей в своей жизни.

Тем временем тот самый «больной красавец», о котором так пекся Сяодун, в уединении сидел в своей Бамбуковой обители.

Су Минья выслушал доклад слуги о происшествиях за день. Его правая рука неторопливо перебирала четки и монету-амулет Горного духа на левом запястье. Судьба Юэ Сюньчжи его нисколько не волновала, спросил он совершенно о другом:

— И что же? Встретив Су Сяююаня, он совсем не выказал недовольства?

Слуга прекрасно понимал, к чему клонит господин.

Тот жаждал от Гу Шаньцина хоть какой-то бурной реакции. Ревности, гнева — чего угодно, лишь бы парень сам прибежал в Бамбуковую обитель. Пусть бы злился, ластился или упрямился, лишь бы снова пал к его ногам. Тогда Су Минья смог бы вновь созерцать его редкую красоту, упиваться безраздельной властью над чужим телом и душой.

Но увы...

Прислуге оставалось лишь осторожно лепетать:

— Сдается мне, с простодушием молодого господина Шаньцина он даже не заподозрил скрытого смысла. Если вы сами ему не намекнете, он ни о чем не догадается.

Су Минья тихо усмехнулся:

— Он куда сообразительнее, чем кажется. Все прекрасно понимает, просто делает вид, что ему все равно.

Слуга про себя вздохнул. Подобный тон господина не сулил ничего хорошего — он снова был в ярости.

С прошлого года старший молодой господин то и дело пребывал в дурном расположении духа. С одной стороны, его здоровье шло на поправку, и клан Су начал возлагать на него все больше обязанностей, что изрядно утомляло. С другой же... он просто не мог примириться с тем, что какой-то безродный юнец способен вертеть его чувствами как вздумается, заставляя забывать обо всем на свете.

Ведь изначально Сяодун был для него лишь красивой игрушкой — средством потешить самолюбие, отомстить или просто развеять скуку.

Кто бы мог подумать, что все пойдет так далеко? И вот теперь из-за этой безделушки он лишился сна и покоя на целый месяц.

Просто смешно. Окажись кто-то на его месте — курам на смех.

Ближе к вечеру Сяодун проводил Су Сяюаня до его жилья, по пути прикинув расстояние между их комнатами. Когда он налегке возвращался обратно, то еще издали заметил у своих дверей статного молодого человека.

Парень стоял под навесом крыши, закинув голову и наблюдая за тем, как тяжелые капли срываются с резного карниза. Он хмурился, и на его красивом лице читалось явное, хоть он и

пытался его скрыть, замешательство.

Все из-за его удивительных глаз — стоило влаге коснуться лица, как радужка начинала отливать изумрудным блеском.

Они давно не виделись. Сяодун поудобнее перехватил зонт и поспешил к нему:

— Брат Дунчэнь! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами?

Гэ Дунчэнь вскинул пушистые ресницы, опустил взгляд на подошедшего юношу, и его лицо мгновенно озарилось мягкой улыбкой.

Четыре года назад, когда Сяодун только сошелся с Су Миньей, Дунчэнь какое-то время дулся на него и избегал встреч. Но обида быстро прошла, и он снова стал прежним — заботливым и дружелюбным.

Каждый раз при встрече Дунчэнь добродушно улыбался, заходил поболтать, скрасить одиночество... а порой они вместе выпивали по чарочке вина.

У Сяодуна почти не было близких людей. И пусть он сам редко искал встречи с Дунчэнем, но в душе всегда хранил глубокую благодарность к своему спасителю. Ведь именно Дунчэнь принес его на спине из Башни Свечных Грёз в ту злополучную ночь и первым научил, как выживать в этом жестоком мире.

— Только сегодня утром вернулся из лагеря, — Дунчэнь ласково посмотрел на друга. — В следующем месяце возобновятся занятия, вот я и приехал пораньше, чтобы хоть немного отдохнуть от службы. Проспал до самого обеда, а потом решил проведать знакомых. Шел-шел — да и сам не заметил, как ноги привели меня к тебе.

Сяодун пригляделся к его лицу. Из-за смешанной крови — его мать была родом из племен Южных земель — черты Дунчэня за последние годы стали невероятно четкими и мужественными. Он превратился в настоящего красавца.

«Не улыбайся он так открыто и весело, — подумал Сяодун, — его хищная, диковатая красота казалась бы пугающей».

— Твои глаза... они отливают зеленью, — шепотом предупредил Сяодун, указав на свое веко. — Скорее зайди в дом! Не хватай сырость, а то заболеешь.

Дунчэнь довольно прищурился и послушно последовал за ним в комнату, напоминая довольного, сытого аллигатора.

Даже не успев присесть, он как бы невзначай спросил:

— Этот паршивец Юэ снова к тебе приставал?

— Ого! — Сяодун удивленно округлил глаза, наливая ему ароматный имбирный отвар. — Откуда ты уже прознал? На, выпей, согрейся с дороги.

Дунчэнь принял чашку. Его огрубевшие от оружия пальцы медленно, почти интимно погладили теплый край глиняного ободка.

— Так он тебя не обидел? — настаивал он, мягко глядя на Сяодуна.

Сяодун забрался на стул с ногами, устроив ступни на резной перекладине, и строго предупредил:

— Брат Дунчэнь, только пообещай мне, что не устроишь из-за этого очередную драку.

Два года назад, когда Сяодун поранил руку по вине Сюньчжи, Дунчэнь буквально озверел. Он вызвал мерзавца на тренировочный бой прямо в военном лагере и избил его до полусмерти, хотя и сам изрядно пострадал — потом полмесяца зализывал раны. Сяодун считал подобные безрассудные подвиги глупостью: «одолеть врага ценой собственной крови» — игра не стоила свеч.

К тому же... не будь той старой раны и пролитой крови, Сяодун никогда бы не решился провести свои первые тайные опыты над собственным телом.

Все в мире взаимосвязано — худо без добра не бывает, а свет всегда рассеивает тьму. Сяодун давно не держал зла на прошлое и относился к нему с легким сердцем.

Дунчэнь послушно кивнул с хитрой улыбкой, явно довольный его заботой.

«Какой же он все-таки надежный и верный друг», — подумал Сяодун и вкратце рассказал ему о беде Су Сяюаня.

— Мальчишка совсем беззащитный, — с жалостью добавил он. — Я безумно боюсь, что этот озабоченный урод теперь проходу ему не даст.

Дунчэнь усмехнулся, зацепившись за последнее слово:

— Хм, «озабоченный урод»? Пожалуй, этот жалкий червяк не заслуживает столь почетного звания. Придумай для него ругательство попроще.

Про себя же Дунчэнь злорадно подумал: «Юэ Сюньчжи — обычный похотливый скот с примитивными повадками. Разве сравнится этот тупица со мной? Чтобы носить звание главного «извращенца» в твоём списке, нужно обладать куда более тонким вкусом. Ему до меня как до луны».

Ведь этот титул принадлежал исключительно ему.

<http://bllate.org/book/20609/2186214>